Троцкий, Л.
Советская власть и международный империализм.
Одесса, 1920.

ИМЛ — Библиотека
Е4171
С641 4

Украинская Социалистическая Советская Республика.

Пролетарии всех стран соединяйтесь!

№ 4.

ЕН171
С641

Л. ТРОЦКИЙ.

СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ
И
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИМПЕРИАЛИЗМ.

По лекции, прочитанной в Москве
21 Апреля 1918 г.

ИЗДАНИЕ ПОЛИТПРОСВЕТА ОДЕССКОГО ГУБВОЕНКОМА

Одесса—1920 г.

Института Ленина
при Ц.К. В.К.П. (б.)
ЕН171
С 6414
1063171

1. ПРЕДИСЛОВИЕ.

Предлагаемая книжка «Советская власть и международный империализм» составлена по лекции, прочитанной тов. Троцким ровно год тому назад.

За этот значительный промежуток времени рабоче-крестьянская власть прошла тяжелый тернистый путь, проделала большую серьезную работу. Начать хотя бы с того, что год тому назад Российская Советская Республика изнывала еще и корчилась в муках от тяжелых условий Брест-Литовскаго мира, навязанными германскими хищниками. Ныне этот позорный акт немецких разбойников не только разлетелся в прах, но российским большевикам протянули братскую руку помощи новые советские республики, возникшие на Украине, в Баварии, в Венгрии.

Изменили свое отношение к советской власти и так называемые меньшевики и правые эс-эры. Развалилась контр-революция на Дону. Советская власть окрепла и выросла в могучую угрозу для всего буржуазного мира. Многое, о чем в прошлом году только можно было мечтать, сбылось. Много положений, высказанных в настоящей брошюре тов. Троцкого, устарели. Тем не менее, они не утратили своего значения. Книга эта написана так увлекательно, столько подымается в ней жгучих вопросов советского строительства, такой дается на них исчерпывающий живой ответ, что работа эта с большою пользою будет прочитана рабочими и крестьянами.

Приятно освежить в памяти недавнее минувшее. Полезно переболеть недавними муками, чтобы с удесятеренною энергией продолжать начатую борьбу.

И. Ш.

Коммунистическое (большевитское) учение имеет одной из своих самых важных задач—достигнуть такого положения на нашей старой, грешной земле, при котором люди перестали бы стрелять друг в друга, создать такой строй, такой порядок, при котором не было бы взаимоистребления народов.

Но, в то же время, партия большевиков (коммунистов) призывает в Красную армию, призывает организоваться и вооружаться. Тут есть, на первый взгляд, глубокое противоречие: с одной стороны, партия стоит за создание таких условий, при которых один человек не отнимал бы у другого самого драгоценного достояния его, т. е. жизни. С другой стороны, она призывает в Красную армию и говорит: «вооружайтесь, об'единяйтесь, стрелять учитесь, и усердно, хорошо учитесь, так, чтобы маху не давать»...

На первый взгляд, тут противоречие, на первый взгляд кажется, что тут что-то неладно. И, действительно, были коммунисты (большевики), которые шли другими путями, которые пускали в ход другие способы, которые вместо того, чтобы обратиться к угнетенным с призывными словами: «об'единяйтесь, вооружайтесь», обрашались к угнетателям, эксплоататорам, к насильникам со словами проповеди и говорили: «разоружайтесь, перестаньте истреблять себе подобных, перестаньте угнетать». Они обращались к волкам с обращением положить на полку волчьи зубы. Это—проповедь социалистов-коммунисвов утопических, т.-е. наивных, взгляд которых был ошибочен. Их стремления были в высшей степени благородны. Они напоминают великого писателя Льва Николаевича Толстого, который тоже стремился к установлению

лучшего строя на земле, но думал, что этого можно достигнуть путем внутреннего перерождения угнетателей. А между тем, угнетателям передаются по наследству, из поколения в поколение, угнетательские взгляды, чувтсва и стремления; они с молоком матери впитывают стремление к власти, к угнетенню, к господству и считают, что все остальные трудящиеся массы созданы для того, чтобы служить опорой и фундаментом для господства этой небольшой группы, привилегированного сословия, которое рождается, так сказать, со шпорами на ногах, чтобы сесть верхом на шею трудогого народа.

Вот тут мы подходим к корню вопроса. Мы стремимся к созданию коммунистического строя, при котором не будет вражды класса с классом, потому что не будет классов, при котором не будет вражды народа с народом, ибо народы будут жить на одной и той же земле, занимаясь общим делом. Стремясь к этому строю, мы говорим трудящимся: до тех пор, пока этот строй не достигнут, помните, что вы являетесь единственной силой, которая этот строй способна осуществить. И помните, что международные господствующие классы на этом пути вам ни одного вершка не уступят без боя, что они будут цепляться за свои привилегии и барыши, за свое господство, зубами, ногами, до последнего, будут вносить в ряды самого рабочего класса смуту, хаос, раздор, развал, разделение для того, чтобы удержать свое господство. Мы в России сделали только первый шаг, мы низвергли политическое господство буржуазных классов и установили политическое господство трудящихся классов. Это есть факт, которого мы достигли. Буржу-

азия у нас власти не имеет, имеет власть рабочий класс. Сказать, что власть плоха, значит сказать, что рабочий класс плохо сознает, что ему нужно. Он может установить какую ему нужно власть, и ответственность на нем лежит, на рабочем классе. Та власть, которая есть в Петрограде, в Москве, в Киеве, Харькове, Одессе и в других городах, поскольку она создана рабочими, ими же может быть и сменена в любой момент, ибо они могут созвать Всероссийский и Всеукраинский С'езды Советов, ибо они могут переизбрать Советы, когда им угодно, переизбрать Центральный Исполнительный Комитет, Совет Народных Комиссаров. Это есть власть рабочего класса и крестьянства, беднейшего крестьянства, это есть фундамент, на котором мы стоим.

Революция пробудила и подняла самые загнанные, затравленные, обиженные народные массы которые изо-дня в день страдали без просвета, без передышки, как волы под'яремные, а революция пробуждает их и указывает им, что они являются в своем положении ничем иным, каы скотом, как рабами других классов. Революция не остановилась на том, что сбросили царя, что сбросили пару министров. Если бы она остановилась на этом, то это была бы не революция, а, с позволения сказать, выкидыш от революции. Это были бы ложные исторические роды, а настоящие, здоровые исторические роды бывают тогда, когда рабочий класс, поднявшись, берет всю власть в стране в свои руки, а затем эту власть пускает в ход для того, чтобы установить новый порядок, при котором нет эксплоатации одного класса другим, при котором все средства произ-

водства, все богатства страны находятся на учете рабочего класса. Рабочий класс, как хозяин тогда в хорошем отдельном хозяйстве, в экономии сельской: он знает сколько у него земли, сколько семян, сколько племенного скота, сколько инвентаря хозяйственного, какую полосу ему нужно засеять в данное время,—все это он знает, все это у него записано и все подсчитано. Но это—отдельное хозяйство. Другие, рядом с ним, свои хозяйства ведут, друг с другом соперничают. А мы хотим, чтобы рабочий класс, как одно целое, стал таким хозяином по отношению ко всей стране, чтобы он мог знать, сколько у него земли, сколько природных богатств, руды, угля, сколько машин, сколько сырых материалов, сколько рабочих рук, сколько зерна,—чтобы все это было записано и чтобы все это можно было точно знать и распределить работу планомерно. Именно, как хороший хозяин: он же сам работник, он же сам и хозяин. И вот такая артель товарищеская —есть коммунистическое хозяйство.

Говорят, что это—сказка, вымысел. Наши враги говорят, что этого никогда не будет. Это те говорят, которым это невыгодно, или те, которые душу свою продали господствующему классу. Для них это недостижимо. Но если бы люди не дошли до этого, то тогда все наши надежды, ожидания, планы, вся наука, искусство, все, чем интересуются люди, все идеалы, во имя которых они борются, все это—ложь, и все человечество есть не что иное, как навозная куча после нынешней четырехлетней бойни, в котором люди истребляли друг друга десятками тысяч, миллионами для того только, чтобы оставить

все на старом месте. Поэтому мы и говорим нашим врагам, которые критикуют нас: мы прекрасно знаем, что мы еще не дошли до конца, что еще большая дорога впереди, что еще много нужно труда и напражения. Но мы сделали одно—подготовку. Когда нужно строить новое здание на месте пожарища, то надо смести все и убрать долой. Так мы у буржуазии власть взяли и начинаем строить новое здание. Власть мы к рукам прибирать начали и заявляем всем нашим врагам, что этой власти мы из рук рабочего класса не выпустим никогда.

Нужно, чтобы власть была в руках того класса, который призван перестроить Россию на новых началах—рабочего класса. Мы говорим, что на пути нашем будут огромнейшие затруднения, великие препятствия, страшное сопротивление буржуазных классов, и не только русской буржазии, которая сама по себе слаба, но и буржуазии международной, потому что русская буржуазия есть не что иное, как отпрыск буржуазных классов всех стран. И у них сейчас столкновения, но в основе, в главном, они между собой совершенно согласны,—в отстаивании собственности и всех, связанных с собственностью, привилегий. У нас среди буржуазных классов, в среде помещиков, в среде крупной и мелкой буржуазии, мы наблюдали еще не так давно, до революции, целую массу партий. Там были правые черносотенцы, националисты, октябристы, октябристы-земцы, левые погрессисты, кадеты и т. д., целая туча партий. Откуда они? А это разные группы собственников. Одни интересы крупного землевладения отстаивают, другие—интересы среднего и мелкого землевладения, те—интересы бан-

ковского капитала, эти—интересы фабрично-заводского капитала, те—интересы профессоров, врачей, адвокатов, инженеров и проч. и проч. Вот почему и среди самой буржуазии, имущих классов, есть свои группировки, свои разделения, свои партии. Но когда революция наша подняла на ноги рабочий класс, тогда буржуозия вся об'единилась, все партии исчезли, и осталась одна кадетская партия, которая обняла все имущие классы, весь священный лагерь собственников, об'единила его в борьбе за собственность против трудящихсяклассов.

То же самое происходит и с международной буржуазией. Она ведет страшные кровополитные войны; но как только поднимается революционный класс, пролетарский класс, который угрожает самым основам капитализма, сейчас же буржуазия начинает уступать друг другу во всех странах, чтобы создать совместно лагерь против надвигающегося страшного призрака рабоче-крестьянской революции. И вот почему мы энергично стремимся к коммунистическому строю, при котором не будет борьбы одного народа против другого. Но до тех пор, пока мы этого не достигнем, мы должны быть готовы пройти через величайшие затруднения, через величайшую борьбу, и внутри нашей страны и по рубежу ее, потому что, чем дальше, тем больше будет развиваться революционное движение, тем теснее будет сплачиваться буржуазия всех стран. Европа пройдет через величайшие испытания, пройдет через огонь и пламя гражданской войны, и русская буржуазия будет делать еще не одно усилие, опираясь на буржуазию европейскую и мировую. Поэтому мы говорим, что

мы идем к миру, но к миру путем вооруженной борьбы трудящихся масс против угнетателей, эксплоататоров, империалистов всех стран. По этому пути мы пройдем до конца. В этом надо дать себе ясный отчет. Конечно, кто думает что мы достигли всего, тот ясно не отдает себе отчета в том, что такое история. Это не снисходительная и мягкая мать, которая покровительствует рабочему классу; это злая мачеха, которая на кровавом опыте учит рабочих, как подниматься и как добиваться своих целей. В этом и есть несчастье трудящихся. Они легко отходчивы, забывают. Чуть-чуть полегчает, чуть-чуть достигнут чего-либо, и им кажется, что главная работа сделана, и они склонны к великодушию, к бездеятельности, к прекращению борьбы; а между тем имущие классы борьбы не прекращают, они воспитаны в постоянном сопротивлении натиску рабочих масс, и пассивность с нашей стороны, нерешительность, колебания значит, что мы открываем свое больное место для ударов имущих классов, значит, что завтра или послезавтра на нас будет произведен новый их натиск. Рабочему классу нужны твердый закал, непримиримость, глубокое убеждение, что без борьбы за каждый вершок, за каждый шажок к улучшению судьбы рабочего класса, без постоянной, непримиримой жестокой борьбы не может быть спасения и освобождения.

И мы зовем в ряды коммунистической (большевиков) партии прежде всего рабочих, а затем всех преданных и надежных друзей рабочего класса. Но у кого в душе есть сомнение или колебание, тот пусть остается вне наших рядов. Для нас гораздо

более ценно иметь одного закаленного борца, чем 10 нерешительных, потому что при возникновении борьбы 10 нерешительных утянут за собой одного решительного и будут его удерживать, а если более решительные, сплотившись в одну дружину, ринутся в бой на неприятеля, то они увлекут за собою и нерешительных и колеблющихся. Тут не место соглашателю, который стоял бы по срединке между теми и другими и звал бы к примирению. Никто не послушает его. Никогда буржуазия не отдасть добровольно своего господства и власти. Тут надо ждать постоянно сопротивления и борьбы, и с нашей стороны нужно быть готовыми на борьбу до конца.

Это есть главная задача коммунистической партии,—достигнуть того, чтобы каждый трудящийся, каждый рабочий человек получил крепкий духовный закал, чтобы он сказал себе: да, разумеется, в этой борьбе, которая идет в настоящее время, мне, может быть, придется и погибнуть. Но что такое рабская жизнь без просвета, под пятой угнетателей, по сравнению с славной смертью борца, который свое знамя передает новым поколениям и который умирает с сознанием, что он умирает не за интересы королей и царей и не за интересы угнетателей, а за интересы собственного класса? Мы должны научить товарищей жить и умирать за интересы рабочего класса с верностью в душе до последней минуты. Вот к чему мы зовем вас.

А мы знаем, на какие препятствия и сопротивление мы наталкиваемся на пути нашей политики. Наша революция непосредственно выросла из войны. Война же выросла из капитализма, и мы предсказы-

вали задолго до нее, что колоссальный рост вооружения, что борьба буржуазии одной страны с буржуазией другой страны за барыши и за рынки, что все это должно будет кончиться когда-нибудь страшной катастрофой, В настоящее время буржуазия Германии говорит, что виновата английская буржуазия, а английская буржуазия обвиняет германскую, перебрасывая ответственность друг ня друга, как клоуны перебрасывают мячи. Так и буржуазия перебрасывает ответственности за эту кровавую войну. Но мы предсказывали неизбежность войны, и эта неизбежность исходила не из воли одного или двух королей или министров, а из самого существа капиталистического строя. Эта война есть экзамен всему капиталистическому строю, всей буржуазной, хозяйственной и нравственной системе. И вот почему, когда началась война, мы говорили, что она создает страшное революционное движение среди трудящихся масс во всех странах. Война в первое время оглушает трудящиеся массы, обманывает их, вводит их в искушение, а затем революционизирует их, поднимает их протест возмущения против войны, против того строя, который приводит к войне, против своих правителей. Почему война сначала поднимает патриотическое настроение трудящихся масс? А потому, что, несмотря на то, что есть социалистические партии, коммунисты, вокруг них есть еще миллионы тружеников, которые не живут духовной жизнью. Наше главное несчастие в том, что есть миллионы тружеников, которые живут, как машины, работают, едят и спят, при чем в обрез спят и в обрез едят, а работают свыше сил своих, и они думают только

о том, как бы концы с концами свести. Их голова не работает над другим, их ум, их мысли, совесть их дремлют в обыкновенное время, и время от времени они сивуху тянут по праздникам. Вот существование рабочего, трагическое и страшное. Это страшная судьба многих и многих миллионов тружеников, на это обрекает их строй капитализма.

Но вот является война, народ мобилизуют, он выходит на улицу, одевается в солдатские шинели. Ему говорят, на врагов пойдем, победим—все изменится, переменится. И возникают надежды. Люди отходят от сохи, от станка. И в мирное время, может быть, человек ни о чем и не думал бы, как вол под'яремный, а тут ему ставят новую задачу, вокруг он видит сотни тысяч солдат, все возбуждены, военная музыка играет, обещают великие победы, и он надеется, что как-нибудь будет иначе, а иначе—значит лучше будет, потому что хуже уже не может быть.

И он считает, что война—это освободительная война, которая даст ему что то новое. Поэтому мы и наблюдали, что сначала во всех странах, без исключения, в первый период войны, наблюдается патриотический под'ем. Буржуазия сильнее становится. Она говорит: весь народ со мной. Под знаменами буржуазии идут труженики полей и городов. Все сливается как будто в одном национальном чувстве. Но затем война развивает свою внутреннюю работу—истощает страну, обезкровливает народ, обогащает несколько кучек мародеров, спекулянтов, военных поставщиков, дает чины дипломатам и генералам, а трудящиеся массы становятся все беднее и беднее, и кормилица,

жена, мать, работница, каждый день становятся перед трудностью вопроса все более и более острого— чем заполнить печной горшок, чтобы накормить детей. И это производит колоссальную революцию среди трудящихся масс. Сперва их война поднимает и дает новые надежды, а потом, поднявши, бросает о земь, так что позвоночник трещит у рабочего класса, и он это чувствует, начинает задумываться над тем, откуда это, что это значит. Но буржуазия не глупа, в этом ей отказать нельзя,—она предвидела с самого начала войны опасность, поэтому она сдерживала революцию до тех пор, пока можно было, с помощью своих ретивых генералов. Так было в Европе после франко-прусской войны. Но уже в первую эпоху нынешней войны буржуазные политики говорили в сторонку, потихоньку, что в результате этой войны будет великая революция. Они, конечно, надеются с нею справиться. Если мы возмем буржуазные газеты и журналы, например, английский журнал, который называется «Экономист», за август и сентябрь или октябрь 1914 г., перваго года войны, то в этом журнале уже предвидели, что в результате войны во всех странах, втянутые в нее, будет социально-революционное движение. Они понимали неизбежность этого, и они были совершенно правы, как правы оказались и мы, когда говорили, что в России эта война приведет неизбежно к революции, и что если революции в России суждено дойти до коца, то она приведет к власти рабочий класс.

В России капитал создался через посредство финансового капитала Западной Европы. Если возмем Францию, то там капитал крупной промышленности

развился постепенно в течение долгих веков. В средние века было ремесло, мелкие предприятия, цехи, гильдии, потом понемногу развились крупные и средние предприятия, мануфактурные и проч., и французская биржа потянула за собою целый хвост средних и мелких предприятий. У них есть свое политическое влияние.

А у нас?

У нас финансовый капитал других стран—Франции, Германии, Англии и т. д., вторгнулся к нам и создал огромные заводы, и как-то сразу, на пустом месте, где-нибудь в Екатеринославской губ. на всем юге и юго-западе. Там колоссальные предприятия, точно так же, как и в Петрогрлде, Москве и других городах. Западный капитал переносил целые фабрики и заводы сюда и сразу их насаждал. Поэтому наша буржуазия оторвана от широких народных масс. Это для нее большое зло. Тесно связанная огромным могуществом финансовым, политического могущества она не имеет. У нас никакая буржуазия еще, если не считать крестьянства,—особенным влиянием не пользовалась. И весь вопрос революции был такой, за кем пойдет беднота?—за буржуазией, ее обманывающей, дающей ложные надежды, или за рабочим классом? И теперь мы можем сказать, что вопрос на три четверти решен, благодаря советам рабочих депутатов, что буржуазия, ее влияние в деревне рушилось почти целиком, и что беднота деревенская пойдет за рабочим классом, пойдет тем решительнее чем сильнее, чем сознательнее становится городской пролетариат. Пролетариат городской представляет у нас меньшинство населениия. Большинство подавля-

ющее—это крестьянство. Стало быть, если деревенские массы, низы деревенские, не поддержат рабочих, то рабочий класс не может удержаться у власти. А эго значит, что рабочий класс города не только за себя борется, но что он выступает, как прямой защитник, что он является борцом за интересы широких народных, крестьянских масс, что он явится, в подлинном смысле слова, героем народным, если он сможет и сумеет до конца свою задачу выполнить.

В старых революциях, где буржуазия командовала, она вела за собой крестьянские массы. Так было во время великой французской революции, во время революоии 48 года, в Германии. Так было всегда. А теперь у нас рабочий класс впервые сбросил с себя опеку и духовное превосходство буржуазии, стал на свои ноги, а кроме того, выбил из под ног буржразии крестянския массы и за собой их повел. В этом ценнейшее завоевание русской революции. В этом оплот русской революции.

Поэтому органы революции, Советы рабочих и крестьянских депутатов, вызывают ненависть буржуазии всех стран. С самого начала революции, в первые дни, когда получились в Нью-Иорке газеты, извещающие о том, что в России произошла революция, буржуазные газеты относились к этой революции очень сочувственно. Тогда, ведь, сообщалось, что Николай второй вел переговоры с Германией о мире. Америка же собиралась вступить в войну. Газеты сообщили о том, что царь отрекся, что составлено министррство Милюкова и Гучкова, и все это вызвало сочувствие всех буржуазных газет. Но когда появились известия о том, что в Петербурге

образовался Совет рабочих и солдатских депутатов, у котораго есть какия то столкновения с Милюковым и Гучковым,—то газеты тон изменили. В буржуазной печати во всех странах обозначился ясный поворот против русской революции, и все буржуазные газеты предупреждали Милюкова и Гучкова о том, что, если советы окончательно утвердятся и возьмут в свои руки власть, то это создаст страшную опасность для России и даже для всего мира.

Это было в марте 1917 года, стало быть, в первом месяце революции. Английская и американская буржуазия уже знала, что власть советов означает для них колоссальную опасность. А вместе с тем, американские ребочие поняли, что русская революция не есть повторение старых революций, где одна верхушка сменялась другой, но обе верхушки одинаково сиделя ни спине рабочего класса, что это такая революция, где низы поднимаются на верх, чтобы перестроить общественное здание, чем больше рабочие америки проникались этим сознанием, тем горячее сочувствовали они нашей революции и тем больше было у них симпатии к этой революции. И если наша революция не вызвала с такой скоростью, как мы это думали в первые дни, непосредсгвенного отклика во всех странах и революционного движения в Германии, во Франции и Англии, то тут вина в значительной мере падает на самих рабочих, которые поддерживали политику соглашателей. Многие вожди трудящихся масс надеялись, что русская революция тотчас же приведет к заключению всеобщего мира, и так велика была в то время уверенность в этом, что, если бы тогдашнее правительство Керенского и

Милюкова обратилось ко всем народам с предложением немедленного заключения мира, то порыв рабочих масс и армий в сторону мира был бы колоссальный, и мы имели бы огромный успех. Но, вместо этого, мы поддерживали политику старых царских дипломатов, не опубликовывали тайных договоров, но зато подготовляли наступление, которое осуществилось 18-го июня и закончилось страшным кровавым разгромом и отступлением. Рабочие массы, во всех странах ожидавшие, что русская революция покажется во всем величии и научит чему то новому, вынуждены были сказать себе, что это то же самое, что было и раньше, те же самые союзники, та же самая война, то же самое наступление, во имя тех же старых грабительских целей. А буржуазия во всех странах преступно воспользовалась этим, чтобы подмочить, так сказать, славу русской революции. запятнать ее. И буржуазные газеты писали: вот в чем революция; только сворогнуть одно правительство и заменить его другим, но новое правительство заявляет, что другой политики не может быть. Стало быть, незачем и свергать старые правительства, раз новое правительство делает то же самое. Значит, революция есть легкомыслие, пустая затея, пустой обман. И вот холод проник в душу рабочих по отношению к русской революции. Наступление 18-го июня было самым страшным ударом рабочему классу во всех странах, было самым страшным ударом русской революции. И если мы пожинаем теперь Брест-Литовский мир, тягчайший мир, то это есть с одной стороны, последствие политики царских дипломатов, а с другой—результат политики Керенского и насту-

106317

пления 18-го июня. Это они, царские бюрократы и дипломаты, которые ввергли нас в страшную войну, расхищая народное достояние, обирая народ наш; это они, которые держали в темноте и рабстве народные массы, разоряли нашу страну материально и духовно, а теперь мы вынуждены платить по таким векселям, как Брест-Литовский мир. Это—царские векселя, векселя Керенского и К°, а мы вынуждены платить по чужим векселям. Это самое лютое преступление, которое наложило на рабочий класс страшную ответственность за грехи международных империалистов и их слуг. Эти самые люди и теперь являются к нам и говорят: вы подписали Брестский договор. Да, подписали, стиснувши зубы подписали, ощущая свою слабость; мы слишком слабы, чтобы разорвать ту веревку, которая захлестнулась вокруг нашей шеи. Да, мы согласились на это, как голодный рабочий, стиснув зубы, идет к кулаку-хозяину и за полцены продает себя и труд своей жены потому, что нет другой возможности жить и существовать. Так и мы сейчас оказались вынужденными подписать ужаснейший, позорнейший мир.

Но это отнюдь не значит, что раз мы нашли виновника, нашли исторические причины, то мы на этом и можем успокоиться! Нисколько! Мы слабы. Да, мы слабы, и это есть главное наше историческое преступление, потому что в истории нельзя быть слабым. Кто слаб, тот становится добычей сильного. Проповедью и высокими, красными словами тут не спасешся. Вот Португалия—маленькая Португалия. Бедный, маленький народ, два с половиной миллиона душ,—они воевать не хотели, но их заставили. Что

такое Португалия? Это—подчиненный, раб Англии. А Сербия? Германия и ее раздавила. Турция—союзница Германии. А что такое Турция сейчас? Турция сейчас тоже раба Гермрнии. Греция,—кто ее заставил пойти на войну? Союзники. Она не хотела, эта маленькая слабая страна, а союзники затянули ее в войну. Румыния не хотела входить в войну, а народные низы особенно не хотели; однако, и ее вызвали на войну союзники. И все эти страны теперь являются рабами Германии или Англии. Почему? Потому, что слабы; потому что малы. А Болгария? Она колебалась, народные массы не хотели войны. Страна истощена. Германия заставила, и Болгария вступила в войну. А теперь что такое Болгария? Она не имеет ни своей воли, ни своего голоса: она также рабыня Германии. Австро-Венгрия—большая страна. союзница Германии. Австро-Венгрия, как победительница, вместе с Германией, но каково положение Австро-Венгрии на деле? Австро-Венгрия, страна гораздо более бедная, чем Германия, истощенная в большей степени, и теперь она не имеет своего голоса, она тащится за Германией, и Германия отдает приказания австрийскому правительству. Почему? Потому что Германия сильна. Кто силен, тот и прав—вот в чем состоит мораль, право и религия капиталистических правительств. У нас, в наших лагерях, в лагерях союзников, кто верховодит? Англия. Кто подчиняется все время? Франция. Россия подчинялась обеим, потому что она беднее Англии и Франции. Стало быть, для нас должно было быть ясно с самого начала, что, чем дальше будет тянуться война, тем больше Россия будет истощаться и тем меньше останется ей

на долю самостоятельности. В конце концов, неизбежно мы должны были подпасть под чью-нибудь пяту: либо германскую, либо английскую,—ибо мы слабы, ибо мы бедны, ибо мы истощены. И вопрос в том, чью пяту выбирать? Мы говорили и говорим сейчас, что мы не хотим ни той, ни другой пяты—ни английской, ни германской. Мы рассчитываем сохранить независимость, опираясь на революцию рабочего класса во всех странах. Но вместе с тем,—и именно потому, что мы надеемся на развитие революции во всех странах и во всех лагерях,—мы говорим, что нам необходимо накапливать силы и вводить в стране порядок, преобразовать наше хозяйство и создать вооруженную силу Российской Советской Республики, рабоче-крестьянскую Красную Армию. Это, товарищи, главная задача, которую мы еще не разрешили, но которую разрешим и к разрешению которой прнступили только теперь. Нужно, чтобы рабочий класс, взгв в руки государственную власть, научился на деле эту власть применять для организации хозяйства на новых началах. Некоторые говорят: зачем же вы брали раз раньше не научились? А мы отвечаем: а как нам было учиться столярному ремеслу, если столярнаго прибора в руках у нас не было? Для того, чтобы научиться страной управлять, надо взять в руки правило, надо взять в руки государственную власть. Еще никто не научился верховой езде, сидя в комнате. Для того, чтобы научиться этому надо оседлать коня и сесть на него. Он, может быть, взовется на дыбы и не раз и не два скинет. Поднимемся, и опять оседлаем, и опять поедем, и так научимся.

Итак, товарищи, те, которые говорят, что не надо брать власть, эти люди по существу, защитники интересов буржуазии. Они говорят: рабочему классу не надо брать власть, это есть священное, наследственное право буржуазных, образованных классов; у них капиталы, университеты, у них газеты, у них наука, у них библиотеки, все имеется в наличности, —вот им и государственная власть. А труженники, рабочие массы должны предварительно научиться. Да где же научиться? На заводе, на фабрике, в каторжном повседневном труде? Нет-с, извините! Этот каторжный труд на заводах и на фабриках научил нас тому, что мы обязаны взять власть в свои руки. Этому мы там научились. Это тоже очень большая наука. Это—огромнейшая наука, которую на заводах и на фабриках рабочий класс изучал десятилетиями, в течение которых он прошел через каторжный труд, череэ расстрелы целых заводов, через ленскую бойню, прошел через все это и, наконец, взял в свои руки власть. Теперь будем учиться ее применять для организации хозяйства н порядка, ибо этого у нас нет пока. Это—главная наша задача. Мы должны ввести повсюду здоровый, целесообразный и напряженный труд: каждый рабочий должен шесть или семь часов в сутки работать напряженно, а все остальное время чувствовать себя свободным гражданином и культурным человеком. Это—великая задача; но это задача не простая, тут надо учиться. Мы знаем, что сейчас есть масса заводов и фабрик, которые не нужны. У нас есть безработица и голод, потому что не все на своем месте. Есть заводы, которые вырабатывают то, что не нужно, а есть заводы, которые вырабатывают

то, что необходимо, но им не хватает материала, который в другом месте есть. У нас есть колоссальные богатства, о которых мы не знаем, потому что война привела в расстройство всю страну. У нас есть массы безработных, голодных и полуобнаженных, а в то же время на интедантских складах мы обнаруживаем теперь огромные запасы сукна, холста и солдатской одежды. У нас открываются иногда колоссальные продовольственные запасы, о которых мы не знаем. Точно также в деревнях кулаки в своих руках сосредоточивают миллионы пудов хлеба, как, например, в Тульской губернии, и в Курской, и в Орловской. В руках у них имеются миллионы пудов хлеба, но они его не отдают, и мы до сих пор не заставили их понять, что мы в таких делах шутить не будем, что здесь речь идет о жизни и смерти трудящихся масс. Но если бы у нас была организация то, разумеется, никакой кулак не посмел бы хоронить от трудящихся голодных масс хлеб, и дело продовольствия было бы гораздо лучше. И на железных дорогах и везде масса неурядицы, много злоупотреблений. Товарищи железнодорожники знают, сколько есть среди железнодорожных служащих, главным образом на верхах, а также и в низах, лиц, которые торгуют вагонами, производят контрабандную отправку товаров и всяких продуктов, а бывает также и так что целые вагоны исчезают. Откуда эти непорядки? Это—наследие прошлого. Еще мы не воспитаны, как следует, а с другой стороны, и война нас расшатала. Все понятия спутались. Вот и говорит рабочий, если так плохо в стране, то что же мне то особенно стараться? Больше ли я работаю, меньше

ли, лучше ли, хуже ли,—от этого дело не улучшится. Раз мы власть в своих руках имеем, задача уже состоит в том, чтобы самим организовать хозяйство в интересах всего народа. Стало-быть, надо навести трудовой порядок на заводах, на фабриках—всюду ввести этот трудовой порядок. Что это значит: трудовой порядок? Трудовой порядок, революционная дисциплина,—это такой порядок, при котором каждый понимает, что для того, чтобы рабочий класс мог удержаться у власти и перестроить все хозяйство, чтобы мы не шли вниз, а поднимались наверх, нам необходим честный труд каждого на своем месте, на своем посту. Как в семье отдельной: если семья дружная, то каждый работает для благосостояния этой семьи. А тут семья не маленькая: тут идет дело о благосостоянии миллионов душ. Наша Советская Россия, наша рабоче-крестьянская Россия есть одна огромная братская семья, где если один ленится, разрушает сырые материалы, небрежно относится к работе, к инструментам, портит машины по невниманию или по злой воле, то этим он наносит ущерб рабочему классу, всей Советской России в целом, а значит, и всему рабочему классу всего мира. И вот, наша задача создать сейчас трудовую дисциплину, создать твердый трудовой порядок. И если мы сумеем установить такой порядок, что рабочие будут работать столько-то часов на заводе или на фабрике, а остальное время будут жить культурной жизнью, если у нас всякий на своем месте будет выполнять свой долг,—это и будет коммунистический строй. И поэтому нам сейчас необходимо для нашего спасения проводить в жизнь твердую, железную су-

ровую дисциплину трудового порядка. Это не та дисциплина, которая была на службе буржуазии и царя. Нам говорят некоторые из старых генералов, которых мы берем, под нашим контролем, для работ в Красной Армии: а может ли у вас быть при ваших порядках дисциплина? На наш взгляд не может быть. А мы им отвечаем: а при ваших порядках дисциплина была? Была. Почему была? Ведь, там был царь, были дворяне, был солдат внизу, и вы этого солдата держали в дисциплине. Это же чудо. Он был рабом, работал на вас, служил вам против себя, стрелял в отца своего и в мать свою во имя ваших интересов —и вы дисциплину установили! Это было чудо. А мы хотим такую дисциплину установить, чтобы солдат за себя сражался, за себя боролся, чтобы рабочие для себя работали, и во имя этого всего мы хотим провести трудовую дисциплину.

Вот почему я глубоко убежден, что мы этот порядок создадим, как бы там ни каркали черные вороны; совместными усилиями мы этот порядок создадим, эту дисциплину установим, потому что вне этого—нам крах, вне этого—гибель неизбежная. И в настоящее время мы создаем красную рабоче-крестьянскую армию. В Центральном Исполнительном Комитете Советов Рабочих, Солдатских и Казачьих Депутатов уже принят закон об обязательном всеобще воинском обучении, по которому—в течение известного количества недель в году, восьми или шести недель, по два часа в день—каждый гражданин обязан будет обучаться, под руководством опытных инструкторов, военному делу.

Мы создаем кадры красной армии. Эти кадры немногочисленны, это, так сказать, скелет армии. Но, ведь, армия сейчас, это—не те тысячи и десятки тысяч красноармейцев, которые имеются, которым нужна дисциплина и выучка, а армия, это—весь трудящийся народ, это—огромные резервы обученных рабочих в городах на заводах и крестьян в деревнях. И когда нам будет грозит новая опасность контр-революции или набега империалистов, то этот скелет должен сразу покрыться плотью и кровью, т. е. резервом обученных рабочих с фабрик и заводов и крестьян из деревень. Поэтому мы, с одной стороны, создаем Красную Армию, а с другой—вводим всеобщее обучение для всех рабочих и крестьян, не эксплоатирующих чужого труда. Мы вводим пока это ограничение, Мы не хотим вооружать буржуазию. Сейчас мы не будем выдавать винтовки буржуазии, эксплоататорам, которые не отказываются от своих прав на частную собственность. Мы говорим: обязанность каждаго гражданина в стране, раз этой стране грозит опасность, защищать ее. Но буржуазия наша еше не отказалось от прав на власть, буржуазия не согласна еще передать все в общий котел. Она топорщится, она еще ведет борьбу. Сейчас, пока эта буржуазия не отказалась от своих прав на государственную власть и господство в стране, пока она не почувствует, что мы выбили самый буржуазный дух, выбили окончательно и раз навсегда, до тех пор мы ей в руки оружия не дадим. Но мы скажем также, что, если понадобится, пускай буржуазия, которая не хочет иття в атаку, пусть она идет рыть окопы или выполнять какую-либо другую работу.

Мы, не должны повторять ошибок старых революций. Рабочий класс слишком отходчив и слишком легко забывает ту власть дворянства, которая в течение столетий подчиняла себе крепостных, грабила, истребляла, насиловала. Все это слишком легко забывает рабочий класс и склонен к великодушию, к мягкости. А мы говорим: нет! До тех пор, пока не сломлен враг окончательно, на наших руках должны быть ежевые рукавицы. Чтобы обучать Красную Армию, мы привлекаем к работе бывших генералов, но разумеется, выбираем тех, которые порядочнее и почестнее. Некоторые говорят: как же так вы привлекаете генералов, но, ведь, это опасно? Мы говорим на это: разумеется, все на свете имеет свою опасную сторону. Но, ведь, нам необходимы инструктора, которые знают военное дело. Мы говорим господам генералам: вот вам новый хозяин в стране—рабочий класс; ему нужны инструктора обучать рабочих военному делу для борьбы против буржуазии.

Генералы в первое время разбежались, попрятались, как тараканы по щелям, надеясь, что, авось, Господь как-нибудь пронесет: Советская власть продержится неделю другую и падет, и они, генералы, вернутся на старое генеральское положение. Оказалось не так. Генералы тащились за буржуазией, которая тоже думала, что рабочий класс, взяв в свои руки власть, подержит ее недельки две, пошалит и бросит. Но оказалось, что рабочий класс держит крепко власть и выпускать ее не собирается. И вот теперь, смотришь, вчерашные саботажники—инженеры, статистики, агрономы и т. д.—постепенно выползают из щелей, как тараканы, и усиками так и шевелят, так

и нащупывают почву: нельзя ли с новым хозяином договориться? А мы говорим: милости просим, господа инженеры, пожалуйте на завод, учите там рабочих управлять заводами. Рабочие это плохо знают, помогите им, поступайте на жалованье к рабобочим, к ним на службу. Вы до сих пор были на службе у буржуазии, теперь побудьте на службе у трудящегося класса. Генералам мы говорим: вы учились военному делу, и хорошо учились, ведь вы учились в военной академии. Это—сложная наука, это—сложная работа. Значит, надо нам подготовить себя, нам надо учиться; но чтобы учиться нам нужны специалисты. Пожалуйте, господа специалисты, бывшие генералы и бывшие офицеры,—мы отводим вам место.

Раз мы думаем строить армию, то мы должны привлекать к этому делу специалистов. Попытаемся поставить к нам на службу старых генералов. Если они будут честно служить, то им обеспечена полная наша поддержка. Но для тех, которые хотять использовать вооружения для контр-революционного заговора, для тех у нас найдутся особые меры; они прекрасно знают, что у нас есть свой глаз везде, и если бы они пытались использовать организацию рабочей и крестьянской Красной Армии, использовать ее на пользу буржуазии, то мы покажем им железную руку, покажем им октябрьские дни. Они могут быть уверены, что по отношению к ним, по отношению к тем, кто наши организации будет использовывать против нас, мы будем вдвое беспощадны. Так что, товарищи, с этой стороны у меня нет больших опасений. Я считаю, что мы достаточно твердо стоим на ногах, что Советская власть достаточно прочна,

и наши генералы в России не смогут ее сломит, как не могли ее сломить калединцы, корниловцы или дутовцы. Не тут опасность, а опасность в нас самих—в нашей внутренней разрухе, а также опасность извне—от мирового империализма.

Для борьбы против внутренней разрухи мы должны установить твердую дисциплину, организовать твердый трудовой порядок. Каждая часть подчиняется целому. А против контр-революции, против контр-революционных наступлений извне, против милитаризма и империализма других стран у нас есть, товарищи, надежный союзник; этот союзник—европейский рабочий класс и, в частности, рабочий класс Германии. Нам говорят: улита едет, когда-то будет. Мы на это можем сказать: да, дело европейской революции развивается медленно, гораздо медленнее чем мы того хотели бы, но наша русская революция, она появилась когда? Триста лет господствовали Романовы и сидели на шее народа. И везде царизм и русское самодержавие играли роль жандармов по отношению ко всем странам, душили революцию, всякое революционное движение, и везде все эксплоататоры считали, что у них есть твердый оплот—русское самодержавие. Самое имя России было ненавистно для рабочих западных стран. И нам приходилось и в Германии, и в Австрии, и в других странах убеждать рабочих, что есть две России одна—это Россия сверху—бюрократия, царизм, дворянство, и другая—снизу, которая постепенно поднимается, это—рабочая, революционная Россия, для которой мы жертвуем всем. Но к нашим словам относились недоверчиво. Где же она, эта вторая, революционная Россия? В 1905 году

революция показала себя и исчезла. На этом постоянно играли лже-социалисты, соглашатели, и германские, и французские. Они говорили, что в России прочно только семодержавие и буржуазия, что рабочий класс в России слаб, что на революцию в России надеяться нельзя и т. д., и т. д. Это говорили те соглашатели, которые обманывали рабочий класс и обливали грязью русских рабочих. Но наш русский рабочий класс, который пережил вековое рабство, гнет и унижение, впервые показал пример того, как может он подняться во весь свой рост, выпрямиться и обратиться ко всем остальным трудящимся массам всего мира с призывом последовать его примеру. И если до нашей революции февральской, а особенно до октябрьской, нам приходилось опускать глаза в землю, если это было во время войны, когда мы отступали. отдавая город за городом, то в настоещее время мы можем сказать, что имеем право гордиться по тому что мы первые подняли знамя восстания и первые взяли власть в руки рабочего класс. В этом гордость рабочего класса, товарищи эта гордость— наша, законная. Но эта гордость не должна превращаться в самомнение. Рабочие других стран идут по тому же пути. Но их путь более тяжелый. У них организация мощная, но у них движение наростает медленее. Там колосальная армия, но зато у них больше и обоз, а кроме того, у них враг сильнее нашего. У нас царизм был расшатан, сгнил, был разбит по всем статьям, мы нанесли ему лишь последний удар. А там государственная машина, и в Германии, и во Франции, и в Англии, гораздо крепче. Там строители этой машины гораздо более способные и обра-

зованные люди, и там рабочему классу, чтобы разрушить буржуазное господство, нужно гораздо большее напряжение сил. Мы, конечно, можем жаловаться. Для нашего законного нетерпения это революционное движение слишком медленно идет вперед. Мы все хотели бы, чтобы революция скорее произошла, и мы проклинаем медленность истории, которая, день за днем, но слишком медленно, накапливает возмущение трудящихся масс против голода и истощения. Но в один прекрасный день она бросит все это наружу, весь накопившийся гнет и все проклятия, против буржуазии и имущих классов. Пока это наступит, пока накапливается в сердцах рабочих этот протест, нужно ждать. Рабочий класс на Западе больше нас, обучен, лучше нас, опыт у него богаче, он образованнее нашего рабочего класса, и когда наступит последняя его борьба с угнетателями, то он возьмет в свои руки железную метлу и начнет выметать из своих государств всякую буржуазную и дворянскую нечисть. В этом наша главная надежда. России еще суждено пережить эту великую эпоху. Поэтому, если бы правы оказались коршуны буржуазии и соглашатели, что революция в Европе совсем не развернется, или развернется через столетие или десятилетие, это значило бы, что пришла смерть России, как независимой стране. Ибо, товарищи, в каждой эпохе, кто слаб, кто болен, тот неизбежно становится жертвой более сильных хищников. Это закон буржуазного порядка и с этим никто ничего не поделает. Если вы посадите Милюкова или Гучкова, они нашу страну не сделают богаче, а лишь еще больше истощат. Тот факт, что у власти в России стоит рабочий

класс, является могучим призывом к восстанию для рабочих других стран. Каждый рабочий во Франции и в Германии говорит: если в России, стране отсталой, оказалось возможным, что рабочий класс держит в своих руках власть и ставит себе задачу реорганизовать страну, организовать хозяйство на новых началах, берет в свои руки и насаждает всюду дисциплину и трудовой порядок, тогда нам, рабочему классу Германии и Франции, нам вдвойне или втройне сама история велит взять в свои руки власть, чтобы произвести социалистический переворот всего общества. Поэтому, утверждая власть рабочих и крестьян, мы боремся не только за себя, не только за интересы России, но тем самым мы стоим, как передовой отряд рабочего класса всего мира, за осуществление его великой задачи. Товарищи, мы стоим сейчас и рабочие всех стран глядят на нас с надеждой и с опасением—не сорвемся ли мы, не осрамим ли мы красного знамени рабочего класса? И если бы нас потопили контр- революция и собственная разруха—это значило бы, что погибли надежды всех рабочих масс в других странах, и буржуазия сказала бы им: вон, посмотрите, русский рабочий класс куда было, поднялся, а вот теперь снова упал и лежит на земле распятый и расдавленный. Поэтому, товарищи, мы должны, остаивая нашу позицию с двойной и с тройной энергией, с удесятеренным героизмом бороться, потому что мы являемся в настоящее время не только носителями свободы для себя, но в наших руках мечты человечества об освобождении мира,—а против нас буржуазия всех стран. С нами надежда рабочего класса всех стран. Будем же, товарищи, сильнее укре-

пляться, подадим друг другу руку, чтобы бороться до конца, но полной победы за господство рабочего класса, и когда рабочие Европы нам кликнут клич,— мы пойдем к ним на подмогу, мы все, как один человек, с винтовками в руках и с красными знаменами пойдем к ним навстречу во имя братства народов земли, во имя социализма.

Библиотека
Института Ленина
при ЦК ВКП (б)

1р. 25к.